

зя, как о необыкновенном в его педагогической практике случае, а также блестящих успехах мальчика. Эта похвала была в свое время подтверждена призом «Лиги Доброты», который был выдан ему, как лучшему ученику всех Парижских коммунальных школ, о чем сообщали и русские газеты Парижа.

После этой школы побывал князь и в Американской школе в Швейцарии, в колледже в Савоие и, наконец, был переведен в один из лучших Лицеев Парижа Лисэ Жансон, который и окончил, сдав два «башо», что во Франции равно аттестату зрелости. Теперь князь, уже 2 года находится в специальной инженерной школе, по окончании которой получит диплом инженера строителя.

Приятно было молодому Нойону, как он нам сказал, встретиться, наконец, хотя увы и на чужбине, со своими калмыками и поделиться с ними впечатлениями своей эмигрантской жизни и еще раз услышать рассказы о славном прошлом предков, которые он неоднократно слышал и от своей матери-княгини, всегда старавшейся, не смотря на неблагоприятные условия, внушить и поддержать в нем свое национальное сознание, интерес и любовь к своей расе, народу и его истории.

Волею прихотливой судьбы еще ребенком оторванный от своего народа, несмотря на 16-ти летнее скитание вне родной национальной среды, молодой князь сохранил сознание своей принадлежности к калмыцкому народу, живое чувство любви к своим братьям по крови и твердое желание жить, учиться и в меру сил работать на благо своего народа.

И мы также глубоко верим, что последний живой потомок древнего калмыцкого княжеского рода, законный претендент на руководящую роль в жизни калмыцкого народа, одаренный блестящими способностями, вооруженный европейским знанием, прошедший тяжелую школу жизни, движимый голосом крови, страстным желанием быть полезным своему народу, — он, Николай Данзанович, сумеет исполнить свой национальный долг перед народом.

Мы от души ему желаем здоровья, а все остальное у него есть. Есть у него также хорошая руководительница — мать, милая, добрая, полная энергии и высококультурная княгиня Ксения Александровна, которой мы, пользуясь случаем, приносим свою искреннюю благодарность за блестящее, несмотря на тяжесть условий, воспитание, данное нашему молодому Нойону.

Шамба Балинов.

А. Н. ТРОФИМОВ.

К казакам

Прошло почти 20 лет после февральских дней 17-го года, когда пала русская царская корона, связывавшая разноязычные племена и народы. б. Империи, и наступила эпоха «великой, безкровной революции», смешавшая великое со смешным, радостное с жутким.

Трехсотлетняя русская царская династия в роковые для своей судьбы дни не нашла ни одного заступника не только во всем 80-ти миллионном русском народе, но даже в огромном офицерском корпусе русской императорской армии. Падение и последовавшая, затем, трагическая гибель последнего русского монарха освободили не-русские народы от их морального обязательства по отношению к России и разрушили единственную их связь с последней.

А когда на русском престоле воцарились, при действительной поддержке всего русского народа, фанатики международной организации, то все не-русские народы воспламенились национальным чувством и, отвернувшись от Москвы, занялись устройством своей собственной национальной жизни, одновременно энергично отбиваясь от нового нашествия русского империализма, но уже под красным флагом.

В числе этих народов было и наше родное Казачество.

Е те дни по казачьей земле набатным гулом раздался «клич чести и свободы». Восстало Казачество «за честь отчины, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол».

За свою и других свободу два года билось оно, напрягая все свои моральные, материальные и физические силы, одновременно преграждая путь красным полчищам к Европе, тогда уставшей, ослабленной и беспомощной после изнурительной четырехлетней Мировой войны.

В течении двух лет пылал огонь сражений на казачьих просторах. От пожара и грабежей чернели казачьи степи, станицы и хутора. Голос распятых красными наших отцов, матерей и юношей - казаков утихал под холмиками растоптанных могил. Поток лилась казачья кровь. Все, и жизнь и имущество, несли казаки на алтарь борьбы за свою независимость, проявляя чудеса храбрости, мужества и упорства. Показали они искусство гражданской и военной организации.

Но свою двухлетнюю героическую борьбу казаки проиграли. И не их в том вина. Тогда сильные мира сего не поняли глубокого значения казачьей антибольшевизской борьбы для всей Европы. В силу политического легкомыслия или недалекости, тогдашние вершители европейской политики не понимали огромную разрушительную силу русского большевизма для всего мира и не пришли на помощь казакам, бывшим тогда единственной и опасной антибольшевизской силой на всем российском пространстве.

Казачье поражение дало возможность большевикам укрепиться на всем огромном пространстве б. империи

и, пользуясь всеми ресурсами страны, умело подтачивать моральную, политическую и экономическую основы всего мира.

Но Казачество, побежденное на поле сражений, не пожелало подчиниться власти красных сатрапов и с оружием в руках, со всеми своими государственным учреждениями и институтами, ушло на чужбину.

И наступила для нас политическая ночь. Оставшиеся дома допивают горькую чашу до дна, претерпевая нечеловеческие муки от красных; ушедшие на чужбину испытывать все «предести» скитания, нося в душе глубокую тоску по Родине.

А враг, между тем, решил окончательно похоронить Казачество, сделал все, чтобы забыли о нем, вплоть до запрещения произносить слово «казак». Но человек предполагает, а Бог располагает. Но живо Казачество, крепок казачий дух! Перед этим бессмертным казачьим духом, перед этими живыми казаками должен был отступить даже вооруженный до зубов враг. В последнее время восстановили казачьи войсковые части, воскрешают Казачью Песню, некоторые казачьи традиции и обычаи.

Время-учитель открывает перед нами живительный источник казачьей жизни, воскрешает предания старины. Время-молот тяжелыми ударами разрушает древне-нелепые сказания русской истории о Казачестве. Перед нами все яснее предстает подлинный и чистый облик нашего многострадального Казачества, истинный и глубокий смысл долгой, красивой и героической истории казачьего народа.

Чем больше познаешь настоящую суть Казачества, тем больше начинаешь его любить, тем больше проникаешься сознанием необходимости жить и бороться за Его свободу, за Его лучшее будущее.

Вот почему даже тяжкое скитальчество по чужбине не смогло убить нашего рыцарского духа. Не сломило нас и беспросветное горе, нужда. Не испугало нас и дыхание нищеты. Глубокая вера в возрождение Казачества и духовная бодрость дали нам силу преодолеть чувство уныния и безнадежности.

Мы сохранили в сердцах своих заветы отцов и дедов, а на челе своем — отпечаток великих сражений.

Пролив потоки своей крови в борьбе за высокие идеалы, непонятые и не подержанные никем, тая оскорбление в глубине души, но неизменно веря в отрезвление и политической Европы, мы шли в наступившей политической ночи ошупью, ориентируясь часто по звездам. Пылливый казачий ум неустанно работал, внимательно анализируя причины прошлого поражения, отыскивая путь спасения, путь Казачьей Правды.

И этот путь, уможенный боевым оружием, костями предков и зацементированный казачьей кровью, слезами наших матерей и сестер, нами найден под родным знаменем Казачьего Национального движения.

Казачья Правда заключается в том, что оно — не сословие, а древний и славный народ. Путь спасения заключается в неуклонном стремлении всех к своей полной государственной независимости.

И Казаки - Националисты эту Правду усвоили и по этому Пути идут.

Помните, братья что путь, избранный нами — путь заросший колючим красным чертополохом, путь тяжелый, требующий от нас всех подвигов, жертвенности, унисонного пения, сложения всех наших сил. Но на конце этого Пути ждет нас свобода, независимость и жизнь, обеспечивающая нашему народу процветание и развитие во всех отношениях.

Не страшитесь, братья, красного чертополоха! Сами выковыывая свое национальное счастье, молотом тяжелым расплющим ржавые красные цепи. Острая казачья мысль нашла и наметила Казачий Шлях. Острая казачья пика должна отстранить все шипы и препятствия, находящиеся на этом Шляху, когда стройные, сомкнутые казачьи ряды двинутся по нему под победным Казачьим Знаменем!

Станничники! Ночь проходит, близится рассвет! Наши враги начали друг друга поедать, как пауки в банке. Почва под ними заколебалась. Они делают предсмертные судороги, чтобы удержаться, рыщут по всему свету, сея повсюду раздор, стараясь столкнуть народы и государства Европы. Но они начинают проигрывать игру за игрой.

Лига Наций, избранная большевиками как оружие пропаганды, окончательно утратила свое значение. «Народные фронты» не оправдывают их надежд. Во Франции, последней буржуазной союзнице СССР, наблюдается заметное отрезвление. Испанское большевицкое предприятие, стоившее испанскому народу море крови, приходит к своему естественному концу. Большевицкое комедианство в Лондонском Комитете о Невмешательстве есть жест отчаяния проигравшегося картежного шулера. В мировом общественном мнении произошел заметный простым глазом перелом, свидетельством чего является нашумевшая речь Бельгийского Короля Леопольда III. Сознание необходимости борьбы с большевистской заразой проникает повсюду. Приезд в Югославию румынского министра иностранных дел Татареску свидетельствует о предстоящем изменении политики Малой Антанты, где руководящую роль до сих пор играл чешский президент Бенеш. Отныне эта роль, можно сказать, переходит к государственным людям благородной Югославии, до сих пор непризнавшей большевиков.

Два великие европейские авторитарные государства — Германия и Италия — начинают ускоренным темпом сближаться и устанавливать единство взглядов по важнейшим вопросам международной политики. Все последние явления в международной политике свидетельствуют о наличии желания изолировать наших врагов - большевиков.

Близятся сроки. Может настать час экзамена, час испытания нашей способности к организации сил, к действиям, к устройению собственной государственной жизни.

Те, кто наряду с вами ощущали холодный призрак смерти, кто вместе с вами вдыхали запах крови, кто в окопах делились с вами куском черствого хлеба, кто в из под огня сражения уносили тело убитого брата-казака, кто с вами испили чашу горя до дна. — в тех нет коварства, нет лицемерия.

Мы знаем цену жертвам, мы умели без страха умирать за счастье и свободу Родины. Но этого мало: мы должны научиться еще и другому — как нужно жить, с пользой бороться за свое право, созидать основу государственности.

На пороге победы, накануне свободы берегите светильник веры, не угашайте своего духа. Сознание единства Казачества, необходимости неустанно и жертвенной борьбы во имя свободы народа да будет неотделимой частью вашей гордой казачьей души!

Придет время, когда от радости вздрогнут ваши сердца, когда прелести чужой земли покажутся ничтожеством и вы, вступив на родную землю, будете радостными слезами поливать забытые тропинки, шлях, заросший бурьяном, погост, где сложен прах отцов, друзей, близких. Будете целовать родную землю, как Божий крест, как вечную святыню.

И это наше лобзанье дорогих и родных нам предметов будет ненасытнее, алчнее, чем лобзанье влюбленного и неудовлетворенного юноши своей возлюбленной.

Близится час, когда народ наш, освободившись, сбросив с себя тяжкую цепь, спросит с нас: а что вы делали, дети мои, в чуждалдных странах, чтобы помочь мне?

Показывая долгожданный рассвет, и при этом торжественном свете перед свободно вздохнувшим нашим народом обнаружатся все наши темные и светлые деяния — и наше жертвенное служение Родине и, наше преступное бездействие.

И накануне этого нравственного суда нашего народа, не стойте, друзья, на распутии, не поджидайте «чья возьмет». Запасайтесь маслом для свечильника души, дабы светлый день свободы встретить всем нам вместе мощным нашим «Ура»!

Куйте же, братья, счастье своего народа. Неустанно и жертвенно служите делу освобождения своей Родины.

С Богом вперед!

М. Сергеев (Казанлык).

Н. Келин.

**

Среди степи, в траве высокой
Калмыка труп лежит;
Клонясь к земле головкой нежной,
Вокруг ковыль шелестит...

Где мыслей, чувства и ума
Веселый блеск в глазах?.. —
Печальной смерти поцелуй
Застыл в его устах...

Но дома ждет его жена,
И ждет любимый сын,
А он лежит в степи один,
И грудь пробитая обнажена.

А равнодушная степь молчит;
В ее просторе есть
Так много - много мертвых тел,
Что трудно их перечесть...

Верба

Грустит верба над Доном старая,
О ком вербовая печаль?..
О тех ли днях, когда татарами
Клубилась солнечная даль?..

О тех ли днях, когда жемчужная
Над Доном пенилась волна,
И над страной кипела Южная
С врагом непрошенным война?..

Под ней я утренними росами
Кронил встревоженную грудь,
И на заре, сверкая косами,
Косцы сходились отдохнуть.

Верба шептала сказы древние
О днях былых богатырей,
О том, как степь покрылась тернием
От хитрых милостей царей...

Над ней прошлись дымься столетия,
Зандевел кору буран,
В листву густую лихолетия
Вплели задумчивый туман.

И вот стоит она под берегом
Седой, умолкнувшей реки
И ждет, когда бурливым ериком
Векипят донские казаки...

20.XI.1934.